

А.Ю. Моисеева

Джон Перри об аргументе знания

Материалы к круглому столу

Предмет обсуждения: эффективность индексикальной стратегии защиты физикализма от аргумента знания.

Литература:

Perry J. Knowledge, Possibility and Consciousness. – Cambridge, MA: MIT Press, 2001. – Ch. 3, 5-7.

Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. – М.: Либроком, 2013. – С. 137-138, 181-188.

Экспозиция проблемы

Аргумент знания, известный также как мысленный эксперимент «комната Мэри», был представлен в статье Ф. Джексона «Эпифеноменальные квалиа» (1982) для того, чтобы показать, что феноменальные свойства (квалиа) нельзя отождествлять с физическими свойствами или любыми другими свойствами, знание которых производно от знания физических свойств. Следующая его формулировка близка к оригинальной во всех существенных моментах:

Мэри – учёный, изучающий цвета, и она настолько преуспела, что знает все физические факты о цвете и его восприятии другими людьми. Однако с рождения Мэри была заключена в комнате, окрашенной только в чёрно-белые цвета, и могла наблюдать внешний мир только через чёрно-белый монитор. Интуитивно кажется очевидным, что Мэри узнает что-то новое о цвете, когда ей позволят покинуть комнату и она увидит, например, спелый томат, а именно то, каково видеть красное. Но если эта интуиция верна, то физикализм относительно феноменальных свойств ложен.

По мнению многих философов (см., например: Чалмерс, 137-138), единственно возможный результат эксперимента – тот, который подсказывается интуицией. Однако некоторые авторы, в том числе Дж. Перри, утверждают, что признание этого результата совместимо с физикализмом.

Тезисы Перри

1. Свойство надо отличать от понятия о свойстве. Выводимость знания о феноменальных свойствах из знания о физических свойствах зависит от соотношения понятий, а не самих

этих свойств. В свою очередь, соотношение понятий зависит от того, при каких обстоятельствах у агента сформировались и пополнялись эти понятия, а также от того, в каких обстоятельствах он их применяет. Мы можем обладать различными и не связанными между собой понятиями об одном и том же свойстве так же, как мы можем обладать различными и не связанными между собой понятиями об одном и том же индивиде (Perry, 142).

2. Понятие о феноменальном свойстве в норме включает две функционально различные части: демонстративно-распознавательную часть, содержащую указания на опыт переживания данного свойства, и дескриптивную часть, характеризующую данное свойство посредством его типичных причин, следствий и т.д. Агент способен устанавливать тождество и различие феноменальных свойств непосредственно на основании демонстративно-распознавательной части понятий о них, причем делать это прямо, не используя описания (Perry, 55-59). При этом дескриптивная часть понятия о феноменальном свойстве не предполагает прямого эпистемического доступа агента к самому свойству, даже если она однозначно задает это свойство.

3. Знание агентом сколь угодно полного описания феноменального свойства в физических терминах не влечет знания им того, что это свойство переживается *так*, где под *так* понимается определенный (возможный) опыт этого агента. Однако данный тезис не противоречит тому, чтобы утверждать, что всякое феноменальное свойство тождественно некоторому физическому свойству.

4. Физикалист может объяснить случай Мэри тем, что, находясь в комнате, она могла формировать только дескриптивную часть понятия о том, каково видеть красное, но не демонстративно-распознавательную часть этого понятия. Если физикализм верен, то она должна была в итоге получить понятие о *том самом* физическом свойстве, которому тождественно искомое ею феноменальное свойство. Но, даже получив такое понятие, Мэри не могла связать его с понятием *этого* свойства – свойства, опытом переживания которого стал ее опыт встречи с красным цветом после того, как она вышла из комнаты (Perry, 146-147).

Комментарии и вопросы для обсуждения

1. Стратегия, которой здесь следует Перри, называется индексикальной, поскольку способ указания, который он постулирует для демонстративно-распознавательной части понятий о феноменальных свойствах, аналогичен способу указания индексикалов естественного языка. Перри объясняет проблему Мэри именно недостатком у нее индексикального (рефлексивного, в его собственной терминологии) знания о красном цвете: новизна

видения красного заключается для нее не столько в том, что физическое и феноменальное свойства тождественны, сколько в том, что свойство, которое она знала как *то*, тождественно свойству, которое она узнала как *это*. Однако не означает ли сказанное, что все новое знание, которое она приобрела, является знанием лишь о ее собственной концептуальной схеме?

2. Не совсем понятно, какой тип обозначения свойства имеет в виду Перри, говоря о физическом знании Мэри – тоже прямое указание по типу индексикала или денотацию по типу дескрипции. Если первый вариант, то как Мэри может можно прямо указывать на это свойство, не будучи знакома с ним феноменально? А если второй вариант, то кажется, что решение Перри неудовлетворительно, поскольку тогда существует как будто не только концептуальная, но и реальная возможность того, чтобы свойство, имеющее такие-то типичные причины, такие-то типичные следствия и т.д., переживалось в каком-то контрфактическом мире иначе, чем оно переживается в действительном мире. Но если такая возможность существует, то это свойство и свойство, переживаемое *так* – на самом деле разные свойства, пусть даже в действительном мире их экстенсионалы совпадают.

3. Д. Чалмерс, критикуя данную стратегию защиты от аргумента знания, соглашается, что индексикальное знание невыводимо из знания физических фактов, однако утверждает, что если бы дело было только в этом, то Мэри могла бы вывести феноменальное знание о красном цвете из конъюнкции физического знания о нем и знания базового индексикального факта (кто она такая, когда и где находится), которое у нее, конечно же, есть (Чалмерс, с. 184-186). Попадает ли в цель этот аргумент?

4. Одинаково ли Чалмерс и Перри понимают саму постановку проблемы?